

Зима хозяйничала всюю. С самого утра северо-восточный холодный ветер зализывал белые снежные сугробы и сыпал в глаза мелкой россыпью суховато-жесткого снега. Он забивался в складки пальто, лез в мех воротника, пытался заползти под шапку, щекотливо и в то же время колото хлестал по лицу. Иван запахнул пальто, поднял выше воротник и одновременно втянул голову в плечи, натянул шапку на голову. Так ему казалось было теплее, но вскоре мороз вновь стал пробирать его до костей. Поеживаясь, он ускорил шаг, но это не спасало, и он пошел быстрее, почти побежал гонимый ветром. Он шел в расположенный в трех километрах от Озерок поселок Горняцкий на работу; и через четверть часа, был на шахте.

В правлении было тепло. Протопленная за ночь печь пылала жаром, и Иван, не снимая с себя верхней одежды, долго отогревал о горячую печную стену озявшие на морозе руки. Многие инженерно-технические работники были уже на рабочих местах, а из-за того, что среди них было много женщин, комната, своим гудением и разногласией, походила на пчелиный улей.

— Что, Ванечка, замерз? — спросила у Ивана сидевшая за письменным столом в углу у самой печки расчетчица Надя, с худощавым бледным лицом, теплыми чуть раскосыми глазами и с модной прической.

— Да, холодно, — ответил Иван, потирая руки.

— Ничего, ничего, сейчас мы тебя согреем, — засмеялась сидевшая напротив Нади Валя, или как ее все называли — Валечка. Небольшого роста, полненькая девушка, с пухлыми розовыми почти детскими щечками, веснушчатым лицом и большими доверчивыми голубыми глазами с длинными ресницами. Ее пепельные волосы были заплетены в две косички и аккуратно заложены на затылке.

— Опоздала, милочка. Наш Ванечка уже занят. Его сердце принадлежит другой даме, — с ехидством в голосе и с ироничной улыбкой на красивом смуглом лице, постукивая костяшками счетов, произнесла

Галина. Она была миловидной девушкой, как говорили о ней в правлении, то ли молдавских, то ли цыганских кровей, озорная и веселая, никто никогда не знал, какой номер она в любой момент может выкинуть.

— Ветрище на улице, поэтому и холодно. Не было бы ветра, было бы теплее, мягче,— произнес сидевший спиной к Галине Шишкин Николай Борисович, высокого роста, худощавый, с длинными руками и широкими ладонями.

Пятидесятилетний Николай Борисович Шишкин всю свою жизнь отдал горняцкому делу, и проработал на одной и той же шахте не один десяток лет, начиная с проходчика. За многолетний труд и добросовестную работу его на шахте уважали рабочие и ценило начальство, а потому его, не имевшего горняцкого образования, назначили на должность мастера участка. После назначения, Николай Борисович стал редко спускаться в шахту, только по необходимости. Остальное рабочее время он проводил в правлении, переписывая по несколько раз одни и те же распоряжения, указания или отчеты, тихо дожидаясь пенсии. На самом деле он стал бояться спускаться в шахту, пытаясь скрыть этот свой страх перед коллегами. Дело в том, что Николая Борисовича начали одолевать нехорошие предчувствия, что когда-нибудь он в шахте найдет свою погибель. И это нехорошее предчувствие жило в нем и не покидало его, более того, усиливалось в нем буквально с каждым днем. И из-за этого своего нехорошего предчувствия он немного замкнулся в себе, стал малоразговорчивым, к тому же начал прикладываться к бутылке, которая всегда теперь находилась в его рабочем столе. А на полу рядом с его столом стояла электрическая плитка, на которой всегда находился горячий чайник.

— Иди, Ванька, кипяточку выпей, враз согреешься,— предложил он Ивану.

— Сейчас наш Николай Борисович кипяточку попьет и к обеду будет уже хорош,— вновь заговорила Галина, щелкнув при слове «хорош» щелчком себе по горлу и лукаво прищутив глаза.

— Что ты говоришь? — переспросил Шишкин, развернувшись на стуле к Галине. Он плохо слышал и из-за этого его за глаза обзывали глухим.

— Я говорю: погоды хорошей нет, и мороз крепчает,— ответила ему Галина первое, что пришло ей в голову.

— Почему это нету? Есть и покрепче,— не расслышав Галину, произнес Николай Борисович, после чего достал из стола початую бутылку водки.— Вот... покрепче,— с серьезным видом сказал он, после чего все дружно засмеялись.

В этот момент зазвонил телефон.

— Тихо! Тихо! — обращаясь ко всем и беря в руки телефонную трубку, громко произнесла Валечка.— Алло! Вас слушают! — ответи-

ла она после того, как стих смех.— Шишкин? Конечно на месте, и Петров здесь. Хорошо Пал Палыч, обязательно передам,— проговорила она, кладя трубку на аппарат.— Диспетчер звонил, сказал, что лаву затопило. Велел тебе Ванечка и вам Николай Борисович срочно в шахту спускаться.

— Что там в лаве-то? Ай завалило кого? — с испугом в голосе переспросил Валю не расслышавший ее Шишкин.

— Да не завалило, а затопило,— уточнила она.

— Тьфу ты, глупая девка! А говоришь — завалило! Разве так можно говорить не разобравшись?!

— Да ну вас, Николай Борисович, вам пока объяснишь, сто потов сольешь,— в сердцах воскликнула она.

— Сольешь?! Хм, смотря как лаву затопило, а то и не скоро сольешь,— ухмыльнувшись и со знанием дела, произнес он, и все вновь дружно засмеялись.

— Вам бы все хиханьки да хаханьки... Делом лучше займитесь,— недовольно пробурчал он и, встав из-за стола, направился к выходу.— Пошли, Ванька, переодеваться и в нарядную.

Спустя несколько минут они спустились в шахту и, пройдя по главному штреку, остановились рядом с лавой, где в ожидании начальства в бессилии что-либо сделать, стояла бригада шахтеров и гидрогеолог шахты Денисов Василий Иванович, маленького роста полноватый сорокалетний мужчина.

— Что там случилось? — спросил у него Иван, указывая в темноту лавы.

— Затопило,— ответил тот и замолчал.

— Плывун? — вновь задал вопрос Иван.

— Вода,— ответил Денисов и махнул рукой.

— М-да, плохо дело! — произнес Иван, всматриваясь в темноту.— Ну, пошли, поглядим, что там,— проговорил он, обращаясь к Шишкину и Денисову.

Стали медленно пробираться вглубь лавы, осторожно ступая в мутную сырую черноту, но как ни старались цепляться за выступы и горбыли все же начерпали сапогами воды. Вскоре добрались до места аварии. В лаве рокотала и клокотала в прорыве вода. От этого шума Ивану стало казаться, что он находится не в шахте, а в городе под бетонным железнодорожным мостом, по которому стремглав мчится поезд. На некоторое время рокот умолкал, но потом вновь начинался с еще большей силой. Стойки под нажимом кровли трещали и ломались как спички, казалось еще минута-другая и вековая громада породы рухнет, поглотив всех под собой.

— Пойдем отсюда,— с ужасом в голосе прокричал Николай Борисович и рукой указал на пути отхода, но пока они стояли, вода поднялась до того, что уходить пришлось уже по колено в воде. На глав-

ном штреке встретили главного инженера Макарадзе, прозванного шахтерами Макаром.

— Что там? — спросил он у Денисова, но тот вместо ответа только развел руками.— Почему твоя гидрогеолог не докладывает, а только руками разводит?! — вновь задал вопрос Макарадзе со злостью в голосе.

— Лаву затопило, Зураб Виссарионович,— только и смог ответить гидрогеолог.

— Что твоя делает? Если руками разводить, то вода остановит? — вновь задал вопрос Макарадзе недовольным тоном, но Денисов молчал.

— Зураб Виссарионович, вода прибывает. На сборном может песком прихватить механизмы,— с тревогой в голосе произнес Иван.

— А твоя, что думает делать, как механик? Тоже руками разводить? — обращаясь к Ивану, раздражительно спросил главный инженер.

— Чтобы механизмы осмотреть, надо срочно воду начать откачивать,— произнес Иван, не обращая внимания на недовольный тон главного инженера.

Махнув рукой и что-то пробубнив себе под нос, Макарадзе пошел в сторону шурфа. Дал команду дежурной, и келья понесла его на-гора.

Воду из лавы начали откачивать спустя четверть часа, и откачали к концу рабочей смены, затем больше двух часов очищали от песка механизмы. Полностью устранили аварию к семи часам вечера и, только после этого, выехали на-гора. После душевой, уставшие, но не утратившие силу духа, шахтеры, по распоряжению начальника шахты, собрались в красном уголке; предстояло долгое и серьезное разбирательство по случаю аварии.